

Сексуальный портрет

(Из книги «Изнанка любви, или Опыт трепанации греха в толковании авторитетов)

*Ключи из подземелий подсознания
Звенят опять на поясе моем.*

Н. Матвеева.

«Род человеческий не мог бы существовать, если бы не было сексуального импульса и его естественных последствий. Тут явно просматривается некая неизбежность. Существование человеческого рода может быть сохранено только при условии, что отдельные люди, отдельные мужчины и женщины, человеческие пары повинуются сексуальному импульсу. «Действовать я могу лишь существуя», «чтобы быть», надо родиться. Сексуальный импульс кладет начало существованию человека». «Впрочем, нравственный аспект главенствует во всей проблематике половой жизни, как на то косвенно указывает сексология» (Иоанн Павел II).

«Унаследованные понятия не дают удовлетворительного объяснения вопроса, попробуем же поставить себе задачу – разобраться в них получше» (О. Вейнингер), приняв к сведению, что понимание происходящего в душах других определяется в психологии тем, насколько хорошо вы знаете себя.

Термины «эрос» и «похоть» отстаивали свое право на существование, несмотря на расплывчатость и ненаучность, хотя демаркационной линии между ними, рамок «компетентности» каждого из них вы не найдете. «Наиболее простой способ определения этих понятий – обращение к истории их возникновения. Термин «эротика» («эротический»), получивший широкое распространение в русском, английском и французском языках, происходит от греческого термина «*eroticos*», который в свою очередь происходит от слова «*eros*», что значит «половая любовь». Оксфордский словарь английского языка определяет термин «эротический» как то, что «относится к любовным чувствам, любви или влюбленности». Краткий Оксфордский словарь добавляет к этому момент сексуальной возбужденности. Эротический – это то, что «возбуждает сексуальное желание или побуждение» (В. Шестаков). Эрос в большинстве определений фигурирует как побудительная сила к половому сношению, а то и как духовное стремление. Хаос в трактовке этого термина также связан с тем, что он сам есть результат далеких от конкретики различных интерпретаций, фантазий и переживаний, казалось бы, однозначных намерений, вызываемых деятельностью сперматозоидов и половых гормонов. То он – «порождение хаоса», то – «неких сил жизни и сексуальности»: от космической прапотенции до мистического мирового божества и пресловутого «ОНО». Считается, что Фрейд принизил Эрос по сравнению с Платоном, придав ему значение блудной страсти.

«Похоть – грубое чувственное половое влечение» («Словарь сексуальных терминов»), «грубочувственное половое влечение (обычно мужчины и женщины), сладострастие» (Большой толковый словарь русского языка), «развращение сердца, ведущее ко злу и греху» («Библия»), «разгул

воображения под действием зуда в промежности» (неакадемическое), «генитальная тирания» (В. Райх). «Похотение – хотение, желание, стремление, желание запрещенного» (В. Даль). Из различных источников: «злое желание», «порицаемое хотение», «желание против совести и правил». «Похоть не просто полезна, но жизненно необходима. Без нее никого из нас не было бы» (С. Блэкберн).

Смысловое различие между «побудительной силой к половому сношению» (эрос) и «грубым чувственным половым влечением» (похоть) лишь в слове «грубое», весьма неопределенном по содержанию; часто фигурирует и слово «грязное». Однако, провести содержательную границу между «эросом» и «похотью» столь же непросто, как и между эротикой и порнографией.

Типовой сексуальный портрет

Область	Аналог по Фрейду	Возбудитель	Аспект сексуальности	Чувства, ощущения		
Тело	«Оно»	Тестостерон, окситоцин и др. гормоны	Зуд	Раздражение, щекотка	Эякуляция	Облегчение
		Зрение, обоняние, осязание, слух				
Сознание	«Я»	Воображение, фантазии	Эрос Похоть	Восхищение, предвкушение	Слияние, единение	Благодарность, нежность
				Преодоление запретного		
				Агрессия, подавление		
				Обладание, власть		
				Унижение, загрязнение		

Примечание: серым обозначен стыд – аналог «Сверх-Я» по Фрейду.

В нашей таблице «эрос» и «похоть» имеют различную абсциссу относительно диагонали, их разделяющей. Тем самым мы попытались

отразить весовое значение основных компонент полового возбуждения, перечисленных в следующей графе – от восхищения до загрязнения. Каждый может составить свой сексуальный (эротический, похотливый, оргазмический) портрет со своим набором ощущений по отношению к адресату любви. Очевидно, что уложить в схему все разнообразие компонент эроса и похоти невозможно. Какими словами можно описать, например, впечатление от обнажения желанного тела? Любая систематизация, особенно эмоциональной сферы, весьма условна, и предпринята нами с единственной целью – представить общую картину сексуальных ощущений в терминах, которыми будем пользоваться. Чтобы нас правильно поняли.

«При любви пожар начинается сверху, а при похоти – снизу» (И. Шевелев). «Суть эроса заключается в том, что он манит нас за собой, в то время как секс подталкивает нас сзади» (Р. Мей). Вряд ли что-то будет манить, если нет чего-то, что подталкивает. «К внутренним возбудителям полового влечения, кроме гормонального насыщения крови, следует отнести у мужчин и накопление (напор) семени в придатке яичка, семявыносящих путях, особенно в ампулах, а также раздражения рецепторов и других органов половой сферы — семенных пузырьков, простаты, мочевого пузыря, слизистой прямой кишки и др. (спонтанные ночные эрекции)» (Медицинский справочник). Сила мужской любви, таким образом, пропорциональна силе давления в семенниках.

«Половое влечение состоит из двух компонентов: физического (гормонального) и психического» (К. Имелинский). И в «светлых» (эрос), и в «темных» (похоть) мыслях все мы поглощены желанием освободиться от почти одинакового зуда в почти одинаковых, в зависимости от половой принадлежности, органах. Содержанием «Оно» или «Зуда» являются, «прежде всего, влечения, происходящие из телесной организации» (З. Фрейд), то есть к любви нас побуждает зной в промежности. «Со стороны физиологической и соматической следует обратить внимание на то, что у человека есть места в особенности легко возбудимые, так называемые

эрогенные зоны, которых у женщины гораздо больше, чем у мужчины. Степень возбуждения непосредственно зависит от качества раздражителя, а также от принимающего органа» (Иоанн Павел II).

На ранней стадии спермотоксикоза «физическому возбуждению может предшествовать умственный процесс предвкушения, ожидания или поглощенности им» (Х. Каплан). «Любовь на три четверти любопытство» (Д. Казанова). «За созревшим генитальным либидо» (А. Андреас-Саломе) стоит «завышенное сексуальное оценивание» (З. Фрейд). «Сильнее всего возбуждает предвкушение: работа воображения играет не меньшую роль, чем реальные действия» (Е. Кашенко). «Проследив жизнь обычного человека от колыбели до смертного одра, можно убедиться, что большая часть его сексуальной жизни протекает в воображении, и даже собственно половая активность не направлена на зачатие». «В том случае, если сексуальность представляет собой зримое выражение любви, она — прекрасна и допустима с моральной точки зрения. Раскрепощенная, свободная сексуальность, иными словами, похоть, *luxuria*, *василиск*¹, считается удручающим, неприемлемым феноменом, типичным выражением мужской brutality, проявлением низменности натуры. Сторонники этой точки зрения получили неожиданную поддержку со стороны феминисток, полагающих, что мужчины используют женщин в качестве сексуального объекта и прекрасно обходятся безо всяких человеческих отношений. Однако не случается ли так, что женщины тоже рассматривают мужчин исключительно в качестве сексуального объекта, хотя бы в воображении?» (А. Гуггенбюль-Крейг). «Например, жена, которая время от времени предпочитает находится сверху мужа, удовлетворяет свой маскулинный компонент» (Ф. Каприо).

«Идеализация тела другого объекта и объектов, символически его представляющих, является естественным аспектом эротического желания» (О. Кернберг). «Изначальные препятствия, мешающие быстрому сексуальному сближению двух любящих людей, т. е. препятствия, которые так свойственны всем более высоким цивилизациям, наделяют для нас

любимого человека неисчислимыми достоинствами и окружают его или ее ореолом священной и непостижимой притягательности» (Б. Малиновский).

Закрытый характер половой жизни – так называемая интимность – свидетельство ее аморальности. Сексуальному табу мы обязаны стыду. Не будь его, мы бы занимались сексом также открыто, как приемом пищи. «Даже во взрослой жизни, сексуальность ассоциируется с переживанием слияния и содержит элемент отношения к партнеру как к вещи. Поэтому, а также по причине телесной близости и обнажения, сексуальность никогда не может быть полностью свободной от стыда». «Близость и сексуальность могут освободиться от стыда, только став бесчеловечными, что неизбежно приведет к перверсиям и порнографии» (У. Кинстон).

Из-за стыда – реакции совести на «садистское понимание коитуса» (З. Фрейд) – наши фантазии при сексуальном использовании другой личности называют темными. В действительности, провести границу между «светлыми» и «темными» мыслями, которыми мы владеем и которые благодаря генитальному зуду владеют нами, весьма затруднительно, поскольку представление о добре и зле у каждого свое. Разнообразие связано с нравственной оценкой наших сексуальных фантазий, то есть с наличием совести, а отсюда и страха перед подозрением нас в лицемерии. Для одних половой акт – романтическое приключение, для других – свинство, для третьих – освобождение семенников с единственным и достаточным чувством облегчения, для совестливых – травма, для многих – все вместе в одном месте.

«Согласно теории З. Фрейда (о вытеснении – Г.С.) ...неприемлемые для человеческого «я» («эго») желания становятся бессознательными...» (В. Чухно). То есть что-то в вас диагностировало, что некие деяния плохие и загнало их так глубоко, что стыдливая реакция стала почти рефлекторной. Однако, эта реакция может исходить как из внутреннего источника – совести (чувствительности ко злу), которая в нас отроду сидит в крови и которую никто не вытеснял, так и из внешнего, формируемого страхом наказания.

Нажитые источники стыда могут быть вытеснены, но станут ли они, наряду с врожденными, рефлекторными – сомнительно. При стопроцентной гарантии безнаказанности не все устоят перед каким-нибудь многообещающим соблазном. 26 из 46 людей (цифры из эксперимента Милгрема) готовы применить к себе подобным крайнюю жестокость. «Нормальный человек это тот, кого вы не очень хорошо знаете» (А. Адлер).

Стеснительность и глубину нравственного неуютa в таблице можно отразить интенсивностью закрашки области стыда. Ощущение преодоления запретного и чувство греха наполняют воображение особенно яркими ассоциациями. Эрекция в этом случае, помимо чувства подавления и власти, черпает энергию из целого ряда дополнительных источников, связанных с пониманием аморальности действия. «Эректор в голове» выполняет в «поле пола» функцию кормильца, а любимый – это тот, кто предоставляет нам возможность упиваться его унижением, приводящим к оргазму. Кто больше ловит кайф и тем самым сохраняет себя как сексуальный долгожитель – совестливый или бесстыдник – тема отдельного исследования. Собственно, понимание половой любви как осквернения, за которое стыдно, и отвечает на вопрос, почему совокупление стало интимным делом. Очевидно, что потеря стыда невыгодна. «...При любой привычке к бесстыдству побороть стыдливость невозможно. Ритуал преодоления стыдливости – источник сладострастия». «Из нового стыда рождается новая похоть» (О. Крышталь). Каждый, в силу различных предпосылок, заложенных в сознание, сам может диагностировать, является ли половой акт любовью, «величайшим оскорблением духа и корнем всех остальных зол» (Э. Ротор) или «злой радостью» как способом самоутверждения подонка. Теперь и вам, читатель, нетрудно определиться.

При составлении сексуального портрета следует помнить о том, что молодость эротична, то есть для эрекции ей достаточно зуда или щекотки при наполнении семенников, а старость похотлива: изношенное воображение и склерозированные сосуды требуют для эрекции мобилизации

самых грязных ассоциаций. «...С годами его похотливость возрастала, а потенция уменьшалась» (Р. Крафт-Эбинг). Старение в половой жизни означает изменение соотношения между произвольным и мобилизуемым возбуждением. К изощрениям последнего мы вынуждены также прибегать по причине недостаточной силы зуда, непривлекательности объекта полового осквернения, других помех. В любом случае сексуальный портрет должен отражать наше отношение к «делам похоти»: одни страдают нравственной анемией, не чувствуя в похоти никакого зла, другие не знают куда спрятаться от стыда, чувствуя «чудовищное противоречие» (Г. Гегель») между любовью в ее истинном значении и агрессией плоти в ее фактическом проявлении. Добавим также, что подарки и поцелуи, будучи количественной оценкой осознания аморальности действия, призваны загладить вину за использование «любимой (-го)».

Половой аппетит потому и половой, что воображение питается представлениями об анально-генитальном осквернении объекта "любви". Сексуальность – зеркало нашей «человечности». Чем больше в воображении диссонанс между нашим анально-генитальным «добром» и достоинствами используемого объекта, тем сильнее эрекция, ярче оргазм. Известно, что 50% совокупляющихся воображают в качестве объекта «любви» другого, более высокорангового человека – того, которого нам хотелось бы поиметь промежностью. Если есть понимание полового акта как кощунства и сексуального надругательства (по другому думают только наивные дурочки), то оказывается, что виртуальная подмена нас другим, с одной стороны, достаточно оскорбительна, поскольку наш любимый «любит» не меня, а кого-то другого, в его глазах более достойного. С другой стороны, слава Богу, что е**т нас только физически, унижая в воображении не нас. Не зря ведь Б. Ерофеев считает, что достоинство женщин, следует измерять количеством мужчин, от чьих объятий она уклонились. В то же время виртуальная измена означает, что меня не любят. Непреложный закон половой любви прост: если меня любят – значит имеют, если не имеют – значит любят не меня.

«Любовь амбивалентна» – прикрываются научным термином психологи и философы, имея в виду явные противоречия между словом «любовь» и тем, что происходит на самом деле.

Принятое психологами словосочетание «диапазон приемлемости» означает согласие партнеров на ту или иную степень анально-генитального покушения друг на друга. Ведь «мы подавляем в себе прежде всего то, чего больше всего хотим» (Т. Мур). Любовь при этом вполне можно измерять количественно шириной границ дозволенного, при переходе которых возникает отвращение. Для воображения таких границ не существует и человек может укреплять эрекцию втайне. Партнер, по каким-то причинам сдерживающий наш аппетит по расширению диапазона дозволенности, конечно же, рискует нас потерять.

«Агрессия – теневая сторона любви и неотъемлемая часть сексуальности. Без нее невозможны никакие сексуальные отношения». «Бесцеремонность, являющаяся неотъемлемым элементом близости, давно известна как мощный антиафродизиак».

«Мы боимся потерять взаимное уважение, являющееся основой любых человеческих отношений». Ведь «вы подчиняетесь лишь настолько, насколько готовы; вы доминируете, но пока вам это позволяют». «Выражая свои эротические желания, мы рискуем быть униженными или даже отвергнутыми: и то и другое кажется совершенно невыносимым». «Так что неудивительно, что многие из нас предпочитают надежный простой секс без всяких хитростей. Никакой страсти в таких отношениях нет, но мы хотя бы чувствуем себя нормальными». «Но есть и те, кто хочет иного, кто готов пойти на риск и раскрыться в отношениях», хотя можем «получить насмешку и осуждение». В то же время «как ни парадоксально, но беззастенчивость – хороший способ достичь большей близости».

«Подобные противоположности можно обнаружить в любой системе, вот лишь несколько примеров: стабильность и изменения, страсть и разум, личные интересы и коллективное благополучие, действие и рефлексия. Эти

дихотомии существуют и в человеке, и в паре, и в больших группах людей. Двойственность – основа для выражения динамических процессов, составляющих саму суть реальности. Барри Джонсон, эксперт в области лидерства и автор книги *Polarity Management (Управление полярностью)*, описывает противоположности как набор взаимосвязанных явлений, ставших неотъемлемой частью единого целого: нельзя выбрать одно из двух, для выживания системе нужны оба полюса» (Э. Перель).

Когда же в половом процессе кончается светлый эрос и начинается грязная похоть?

Ответ, – разумеется, субъективный, – в самом вопросе, точнее, в слове «половом»: Уже на стадии предвкушения, начиная с любования лицом, фигурой, попкой, ножками и т. д. сознание и нижняя (грязная) часть тела, становятся единым целым – душой, которой «в отдельности от тела не существует (Г. Лейбниц). «Я думаю чувством, а чувствую мыслью» (М. Унамуно). Скорость подключения ассоциаций унижения промежностью зависит только от степени спермотоксикоза. У персоны с переполненными семенниками, «лезущему на стенку» от нестерпимого зуда, эротическая стадия отсутствует вовсе. У «изголодавшихся» спермотоксикоз охватывает сознание целиком, вплоть до самоотречения и желания погрузиться в главный источник наркотизации – промежность. Она непобедимо затягивает меня внутрь себя. «Хочу быть твоим памперсом» (из письма принца Чарльза Камилле). «Только у бездны такое очарование» (А. Доде).

О конце «светлой» эротической стадии и переходе ее в похотливую, то есть начале «моральной дискредитации любви» (А. Бальхаус), можно говорить с момента подключения к процессу анально-генитальных ассоциаций: она ему свою бяку, он ей свою. Это и есть «мускулы любви», обеспечивающие эрекцию еще на стадии предвкушения. Душа (мысль, воображение) перемещается туда, где зарождается нечто для нее значимое. Факт нравственного преступления – унижение бякой – фиксирует лакмусовая бумажка под названием совесть, провоцирующая возникновение

стыда как инстинктивного понимания кощунственности действия. Лишь по мере привыкания стыд, в первую очередь перед партнером, почти исчезает и похоть мобилизует свои ресурсы без обременения, привлекая в воображении дополнительную приправу, в качестве которой могут быть беспомощность жертвы, те или иные ее свойства и особенности, достойные унижения (красота любимой, чужая жена, более высокий ранг... далее по вкусу и возможностям фантазировать). В сексе вы позволяете себе то, что допускают ваша совесть и ваш партнер. Даже если вы испытываете вину за «садистские дополнения к Эросу» (З. Фрейд), вы при первой возможности прибегаете к новым. В большинстве случаев вы ищете сексуальный объект, у которого есть что унижать и который позволяет вам делать это в наиболее унижительной для него, но благодаря этому и более приятной для вас форме. Любимый человек это тот, который помогает вам избавиться от чувства стыда, позволяя делать с собой все что угодно.

«Самый мощный афродизиак — эта власть над другими» (А. де Сад). «Объект похоти и/или презрения» (Г. Миллер) «я чудом не прищипил... прямо на полу», «клепал, и клепал, и клепал. Я сверлил ее до умопомрачения и вмазывал ей со всех сил..., а после еще... я перевернул ее на живот, и мститель мой выиграл, взбесившись как последний маньяк... Я внедрялся в средоточие всего ее упрямства, зажато как в тиски...» (Н. Мейлер). «Битва полов» завершена, «равноправие» обеспечено. «Апофеоз эмансипации: женщина – пидор» (русский эротический фольклор).

«Сладострастие не есть простое физиологическое состояние... Есть сладострастие плоти и сладострастие духа, и всегда оно лежит глубже эмпирических явлений, всегда есть ощущение в известном смысле трансцендентное, выводящее за грани» (Н. Бердяев). «...Это может быть облегчение, освобождение от сдерживаемых напряжений, вызывающих возбуждение, неудобство или даже боль. Как бы ни сопротивлялся человек подобному освобождению и сколь бы ни считал это недостойной распущенностью, рано или поздно он находит себе для этого оправдание,

хотя некоторые продолжают борьбу с искушением, наслаждаясь при этом чувством собственного благородства и праведности. Для таких людей освобождение достигается посредством того, что называется "отдушина". Если "отдушиной" оказывается человек, то возникает чувство вины за использование человека в качестве "отдушины". Если же эта "отдушиной" является человек, то стыдно за недостаток человечности. Если же задача облегчения не требует другого человека, – по принципу "каждый сам себе жена, или медовый месяц в руках" – тогда мужчина ощущает тайный триумф самодостаточности вместе с одиночеством, разочарованием и отторженностью от человеческой расы, потому что это – один из первородных грехов, к которому многие вынуждаемы своей личностью или обстоятельствами» (Э. Берн)².

Таким образом, если эрос – это власть переоцененного, то похоть – власть недооцененного. Почему процесс анально-генитального глумления называется любовью – вопрос к терминологии. Во всяком случае, «если бы человек создал человека, ему было бы стыдно за свою работу» (М. Твен). Ведь «от лица разума и воли действуют физиологические механизмы, связанные с телом, а не с духом» (М. Терещенко); с телом, обремененным возобновляющимся зудом, толкающим на свирепость, когда цензурных слов и выражений для описания оргазмического безобразия недостаточно. Постыдное, ставшее привычным, превращает в бутафорию всякие рассуждения о морали, ибо она нашла смерть в нашем паху. «В результате им приходится прибегать к лицемерию и табу, существующим для сохранения обоюдного знания, которое поддерживает определенные отношения, даже когда между ними ведутся дела, несовместимые с этими отношениями» (С. Пинкер). Для сокрытия кощунства и спасения репутации человечеству ничего не оставалось, как вынести половой акт за рамки деяний, подлежащих нравственной оценке, и придумать такие слова как «эрос» и «любовь».

«На средневековой латыни сладострастие именовалось «Luxuria» и изображалось в виде существа, сидящего верхом на дикой свинье, с венком из роз на голове и со щитом в руке, украшенным образом василиска. Но чаще всего символом сладострастия и похоти оказывался сам василиск. Он опасен, загадочен, непонятен, его нельзя отнести ни к какому известному виду животных. На мой взгляд, такое существо идеально подходит для образного изображения сексуальности» (А. Гуггенбюль-Крейг).

«Еще в конце 19-го века поэт Артюр Рембо предлагал: «Любовь следует изобрести заново». А если воспользоваться современным языком, любви требуется перезагрузка» (Е. Пушкарев). «В конце концов, поскольку всякое слово есть идея, время всемирного языка придет! ...То будет язык, идущий от души к душе и включающий в себя все: запахи, звуки, цвета...» (А. Рембо). Видимо новый язык поможет нам изобразить в сексуальном портрете все – как видимое снаружи, так и изнутри, то есть без соблюдения морали «приличий». Пока же, ни новый язык, ни средства почти реального присутствия в действе, в том числе и уже освоенная кинематографом передача звука, цвета и даже запаха, не раскрывают самого главного в любви – содержания мыслей, питающих эрекцию и наполняющих нас удовольствием от унижения другой личности. В наслаждении безраздельной властью промежности и в отчаянном бесстыдстве испытывает человек сладострастие и «любовь». В противостоянии похоти со стыдом и совестью – вечная скрытая коллизия морального преступления человека перед человеком. Впрочем, как и в практике борьбы за власть, собственность или признание. Будем надеяться, что ассоциации осквернения, скрывающие при совокуплении бездну человеческой подлости, вскоре также будут передаваться зрителю.

«В психологическом аспекте христианство, кроме любви к ближнему и состраданию, основывается также и на чувстве вины перед Богом, и на чувстве стыда в сексуальных отношениях (секс – есть табу в принципе)» (С. Сигаев). Идет ли речь о впечатлительном ребенке, увидевшему «это» и

выбросившемуся из окна, как в фильме «Антихрист» кинорежиссера Триера, или о взрослом, понявшем, что «человек – это звучит» гадко, объединяет их одно: «О, эта безумная жалкая бестия человек!» (Ф. Ницше).

Как известно, статья Фрейда «Характер и анальная эротика», где он обращает внимание на «выраженную гиперакцентированную эрогенность заднего прохода», «нервировала весь научный мир». Фрейд, как говорят, попал в точку. Но нашлись подражатели, решившие извлечь выгоду из того, что он, по их мнению, чего-то не додумал. Есть, оказывается люди с другими зонами, которыми можно покуситься на личность, проявляя свою сексуальность.

«Если бы эта эрогенная зона находилась бы в другом месте, статья и находка Фрейда скорее всего получила бы большую популярность и заставила бы задуматься ученых о наличии других эрогенных зон и их влиянии на характер человека» (Ю. Рейзнер). В. Ганзен, В. Толкачев, Ю. Бурлан и другие дополнили анальный вектор Фрейда еще семью: кожным, мышечным, уретральным, звуковым, зрительным, обонятельным и оральным. «Открыт совершенно новый подход к теории неврозов и различных психических нарушений. Исследована сексуальность и сексуальные расстройства всех типов. Начался прорыв в изучении человека и движущих его поведением сил» (Ю. Рейзнер).

Мы не считаем эти дополнения к разоблачению Фрейдом «преимущественно анальной мужской сексуальности» достаточно серьезными и тем более, прорывными. Фрейд подчеркнул прежде всего экскрементальный характер похоти, ее анально-генитальную природу как «главный калибр» мужской сексуальности, вызывающий стыд в связи с ее исключительной несовместимостью со всякой моралью. В этом ядро его учения. Все остальные «вектора» имеют к сексуальности и, тем более, к формированию характера, весьма косвенное отношение. Следует, правда, отметить, что Фрейдом недооценена осознанность грязного анально-генитального садизма. Генитальный зуд и порожденную им вполне

осознаваемую (в противном случае не было бы никакого стыда) похоть он объединил в бессознательное ОНО.

Кроме того, «характер – это система стремлений, которая лежит в основе поведения, но не тождественна ему» (З. Фрейд). Характер личности зависит от связи двух факторов – ума и души» (Л. Клагес). Характер, нрав – «одна половина или одно из двух основных свойств духа человека: ум и нрав слитно образуют Дух – душу в высшем значении» (Толковый словарь Даля). «Окончательные черты характера есть продолжение первоначальных инстинктов, их сублимации или реакции защиты против них» (З. Фрейд). «Именно на руинах несостоявшегося анального эротизма и строится анальный характер». «Элементы детской сексуальности, не участвующие во взрослой сексуальности, отчасти превращаются в некоторые черты характера. Именно вследствие аффективной травмы эти первостепенные механизмы либидо либо фиксируются, либо вновь запускаются в ход» (К. Абрахам).

Кто-то заметил, что трудно сложить слово «вечность», имея в распоряжении только буквы «ж», «о», «п» и «а».

Вы можете представить себе кожную, мышечную и т. д. аффективную травму, связанную со стыдом?

На наш взгляд, векторная теория – просто коммерческий проект.

---

¹ «Слово василиск происходит от греческого — «basiliscos», которое имеет два значения — королевич и петух с золотым гребнем. Впервые он упоминается в псалме 91 *, стих 13, который на вульгарной латыне звучит так: «Super aspidem et basiliscum ambulabis», что в переводе означает «На аспиде и василиска наступишь». Василиск — весьма своеобразный, вымышленный зверь с головой петуха, туловищем жабы, хвостом змеи и короной на голове, убивавший одним взглядом. Он вылупился из яйца, в котором не было желтка. Снес это яйцо петух, а высидела жаба на навозной куче. У василиска было три хвоста, глаза его сверкали и, по некоторым сведениям, смертоносным было даже его дыхание. Приблизиться к нему можно было лишь под защитой зеркала. Единственное животное, способное противостоять василиску,— ласка, которая приближается к нему и тотчас отпрыгивает, нападает на него то с одной, то с другой стороны, используя любую возможность и рассчитывая каждое движение» (А. Гуггенбуль-Крейг).

² Перечень того, чем может быть секс для людей, состоит у Э. Берна («Секс в человеческой любви») из 12 вариантов.